

DOI: 10.25178/nit.2023.1.8

Статья

«Почва» в этничности: традиции отечественного народоведения в испытании «перестройкой» и постмодернизмом (постановка проблемы)

Юрий В. Попков

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук;
Новосибирский государственный технический университет,
Российская Федерация

Автор анализирует неоднозначность российского дискурса этничности, который стал доминирующей темой в антропологии и этнографии (народоведении). Эта неоднозначность обусловлена трансформациями общественной системы страны и всего социогуманитарного знания, в том числе этнографии/этнологии (народоведения). Поэтому рассмотрение в статье гносеологических и онтологических сторон темы «почвы», как она представлена в этничности, предваряется анализом кардинальных изменений методологических ориентиров и проблематики отечественной науки о народах (этносах) в постсоветский период.

Автор приходит к выводу, что, по большому счету, «почве» не находится места в этничности. Последняя исходно присутствует в рамках конструктивистской методологической установки и сводится к этнической идентичности. Идентичность здесь, по сути, не имеет онтологических оснований, а следовательно, и своей реальной почвы.

Данная проблема находит адекватное отражение в русле отечественного народоведения в его классическом понимании. По мнению А. В. Головнева, изначально оно является «почвенной» наукой, т. е. опирается на исследование «реальных обстоятельств и нужд» народов. Решение данной задачи применительно к современности возможно при использовании современных методов исследования. Необходимо учитывать не только возможности внешнего взгляда на этническую культуру (аутсайд), но и на характеристику ее внутреннего состояния (инсайд) в представлениях самих носителей культуры. В данном контексте интересные исследования проводятся в тувиноведении, на которые обращает внимание автор.

Высказывается идея о необходимости развития теории этноса с учетом изменившейся реальности при мобилизации современных методов исследования.

Ключевые слова: этнос; народ; этничность; этническая культура; этнография; этнология; народоведение; почва; Россия; Тува; тувинская культура; тувинцы

Для цитирования:

Попков Ю. В. «Почва» в этничности: традиции отечественного народоведения в испытании «перестройкой» и постмодернизмом (постановка проблемы) // Новые исследования Тувы. 2023, № 1. С. 137-153. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.8>

Попков Юрий Владимирович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук; профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; 630073, Россия, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: yuripopkov54@mail.ru

POPKOV, Yuri Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor; Chief Research Fellow, Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of international relations and regional studies, Novosibirsk State Technical University. Postal address: 8 Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: yuripopkov54@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1036-9253

Article

“Soil” in ethnicity: Traditions of Russian ethnology tested by “perestroika” and postmodernism (problem statement)

Yuri V. Popkov

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences;
Novosibirsk State Technical University, Russian Federation*

The author analyzes the ambiguity of the Russian discourse of ethnicity. It has become an overarching topic in anthropology and ethnography (ethnology). This ambiguity is stemming from transformations in the country's social system and social and humanities knowledge, including ethnography/ethnology (ethnic studies). Therefore, in the article the consideration of the epistemological and ontological aspects of the topic of “soil”, as it is presented in ethnicity, is preceded by an analysis of the drastic changes of methodological objectives and challenges of the national study of peoples (ethnoses) in the post-Soviet period.

The author comes to the conclusion that, by and large, there is no “soil” in ethnicity. The latter is understood within the framework of the constructivist methodological setting and reduced to ethnic identity. In fact, identity here has no ontological foundations and therefore no real ground.

This issue is adequately reflected in Russian ethnology in its classical sense. According to A. V. Golovnev, initially it is a “soil” science, it means that it is based on the study of “real circumstances and needs” of peoples. A solution of this problem in relation to our time is possible with the use of modern research methods. It is necessary to take into account not only options of an external view on ethnic culture (outside), but also characteristics of its internal state (inside) in the culture bearers' representations. In this context, interesting studies are conducted within the framework of Tuvinology. The author draws attention to them.

The article suggests an idea about the need to develop the theory of ethnos taking into account the changed reality and applying modern research methods.

Keywords: *ethnos; people; ethnicity; ethnic culture; ethnography; ethnology; ethnic studies; soil; Russia; Tuva; Tuvan culture; Tuvans*

For citation:

Popkov Yu. V. «Pochva» v etnichnosti: traditsii otechestvennogo narodovedeniia v ispytanii «perestroikoi» i postmodernizmom (postanovka problemy) [“Soil” in ethnicity: Traditions of Russian ethnology tested by “perestroika” and postmodernism (problem statement)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 137-153. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.8>

Введение

В настоящее время не только в зарубежной, но и отечественной науке этничность признается в качестве базовой тематики исследований, так или иначе касающихся этнического феномена при том, что сам этот феномен может трактоваться совершенно по-разному. И уже в учебниках для вузов этнология (наука, пришедшая к нам с Запада и часто отождествляемая с антропологией) напрямую, то есть начиная с названия, отождествляется с «родной» этнографией (Этнология (этнография), 2022). Их авторы, видимо, следуют той логике, что, с точки зрения этимологии слов, этнология — это учение о народах, а этнография — описание народов. То есть они рассматриваются как нечто очень близкое друг другу или даже вместе — единое. Если исходить из чисто формальных моментов, то представление о близости этнологии и этнографии в определенных случаях допустимо, как об этом пишет А. В. Головнев (Головнев, 2018: 7).

Однако, когда в качестве предмета этнографии обозначается «этничность» — термин, пришедший в наш научный дискурс с Запада и по своему содержанию изначально ассоциируется с «их» антропологией и идентичностью, — то возникает серьезное противоречие. Я бы назвал такое представление своеобразной химерой, как если бы подобным же образом подошли к интерпретации соотношения геологии и географии и объединили их в единую науку.

На самом деле есть существенная разница в западной и отечественной науках в исследовании этнического феномена — соответственно в антропологии и этнологии, с одной стороны, и этнографии

(народоведении), с другой стороны. Это касается уже фундаментального вопроса, а именно, основного исследовательского фокуса. И здесь я абсолютно согласен с общей позицией А. В. Головнева, зафиксированной в ряде положений: «...главным героем российской этнографии выступал конкретный народ, западной антропологии — универсальный человек» (Головнев, 2016: 61); «Этнический уклон отечественной науки имеет глубокие корни, обособляющие российское народоведение от общего генезиса европейской антропологии и этнологии» (там же: 62).

Не случайно А. В. Головнев все чаще называет российскую науку народоведением, как это было изначально¹, а Россию — считает многонародной².

Но дело не ограничивается лишь обозначением разницы в объекте исследования. Не менее значимым является специфика используемых теоретико-методологических средств, различие которых может приводить к получению существенно разнящихся результатов. Это четко проявляется при анализе заявленной темы «почвы» в этничности.

С учетом данного обстоятельства в качестве цели статьи ставится выяснение того, как в проблематике этничности в ее западном и в современном отечественном дискурсе представлена «почва». «Почва» понимается здесь в двух смыслах — гносеологическом и онтологическом — соответственно: 1) как базисное методологическое основание научных разработок в рассматриваемой области социогуманитарного знания и 2) как та реальная основа (базис), на которой формируется этническая культура и этничность в качестве этнокультурных феноменов (то есть как основа их «бытия»). «Почва» и «почвенность» для меня в онтологическом смысле — это признание тесной связи носителей этнической культуры с природной средой, исходной укорененности этнокультуры в ландшафте.

Акцент в статье сделан на общих теоретико-методологических вопросах исследования данной проблемы с предварительным анализом произошедшей после развала советского государства кардинальной трансформации базовых основ российской науки о народах. Для иллюстрации некоторых значимых теоретических положений используется эмпирический материал тувинских коллег, полученный ими в рамках использования тезаурусного подхода к изучению современных проблем развития тувинской культуры (Тувинцы. Родные ... , 2022).

Распад СССР и трансформация отечественной науки о народах

Горбачевская «перестройка» вылилась в последующий распад советского государства и обернулась институциональным переводом развития страны на рельсы западной модели цивилизационного устройства и кардинальными трансформациями во всех сферах жизни общества. То есть по своим результатам она оказалась не перестройкой, а социальной революцией, точнее сказать, контрреволюцией, а еще точнее — контрреволюционным переворотом. Одна из фундаментальных основ произошедших трансформаций — отказ от сложившихся отечественных традиций и заимствование западного опыта. На уровне официальной политики они были целенаправленными, фронтальными, чаще всего, мотивированными идеологическими соображениями.

Этот процесс был подкреплен соответствующими трансформациями в науке и, пожалуй, в наибольшей степени коснулся социогуманитарного знания. «Закат советского проекта совпал с глобальным ментальным сдвигом от модернизма к постмодернизму» (Головнев, 2012: 6). Материалистическая диалектика как базовая методологическая основа исследований общественного развития, рассматриваемого в качестве закономерного исторического процесса и детерминированного сложной диалектикой объективного и субъективного, уступила место, можно сказать, противоположным, индетерминистским, установкам. В обобщенном виде их можно определить как постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистские (см., например: Ильин, 1996), в рамках которых отвергается объективность и закономерность развития тех явлений, которые отражаются в соответствующих понятиях.

¹ Подробнее о том, как развивалась российская этнография — она же — народоведение — с момента ее зарождения, в том числе о соответствующей терминологии см.: Головнев, 2018.

² Примечательно, что в Кунсткамере, руководителем которой он является, недавно открылась новая постоянная выставка о многонародной России (см.: В Кунсткамере открылась новая экспозиция, посвященная народам России [Электронный ресурс] // Администрация Санкт-Петербурга. 2022, 2 ноября. URL: <https://www.gov.spb.ru/press/governor/248882/> (дата обращения: 10.01.2023).

Подобная смена парадигмальных оснований была навязана под влиянием идеологических мотиваций и в области исследования этнического феномена (этносов, народов) во всей его комплексности и сложности, то есть в сфере этнологии, если ее понимать в широком смысле как охватывающей все существующие здесь конкретные научные направления: этнографическое, этносоциологическое, этнофилософское, этнокультурологическое, этнолингвистическое и проч. В отечественной традиции основной научной дисциплиной здесь является этнография. В последнее время А. В. Головнев в своих работах возрождает также ее первичную историческую форму — народоведение (Головнев, 2018), что достаточно точно отражает ее объект.

Распространенным названием методологического подхода, доминирующего в изучении этнического феномена в советское время, признан примордиализм. В действительности этот термин является неточным, во-первых, он не отражает всю палитру ракурсов и содержание всей широты теоретических и эмпирических отечественных наработок в данной области, во-вторых, отождествляется с эссенциализмом. Не вдаваясь в тонкости и не останавливаясь на анализе этого вопроса, сошлюсь на одну из последних квалифицированных работ (статью Э. А. Паина), где этот вопрос рассматривается специально, приведя из нее один фрагмент с диагностикой ситуации по данной проблеме: «В 1990-е годы В. А. Тишков предложил выделять три теоретических направления в этнологии: *примордиализм*, *конструктивизм* и *инструментализм*. При этом примордиализм рассматривался как синоним эссенциализма, оценивался как научная архаика и опасная лженаука, порождающая национализм и расизм, а две других концепции — как современные и плодотворные» (Пайн, 2022: 34; курсив источника. — Ю. П.).

Тем не менее, учитывая широкую распространенность понятия «примордиализм» в отечественной литературе, я далее также предполагаю к нему прибегать, но, понимая высокую степень его условности, буду использовать при этом кавычки.

Суть отечественной теоретико-методологической традиции состояла в понимании этнического феномена как объективного явления общественной жизни, при этом не исключалось признание субъективных его проявлений. Его носителями рассматриваются не только отдельные индивиды, этнофоры, но в первую очередь конкретные народы — этносы или этнические общности (в советской научной терминологии) и этнические группы — реально существующие коллективные этносоциальные (этнокультурные) образования. Как известно, наиболее полное представление эта позиция отражена в советской теории этноса, главным создателем которой был академик Ю. В. Бромлей — директор Института этнографии АН СССР (Бромлей, 2009).

Теория этноса — основной теоретико-методологический ориентир исследований в рассматриваемой области, а сам этнос — главный объект советской этнографии, которая была отнюдь не только описательной наукой. Яркое тому свидетельство — наличие самой теории этноса. В данном контексте в принципе справедливым можно считать использование А. В. Головневым термина «этнография/логия» для обозначения науки о народах (Головнев, 2018: 7). Хотя этот термин не очень красиво смотрится и неудобно произносится, зато достаточно точно отражает суть отечественной науки о народах, которая не ограничивалась лишь их описанием, иначе говоря, была и собственно этнографией и этнологией, если использовать строгий смысл этого слова. Стоит заметить также что существуют предшествующие теории этноса теоретические наработки русского ученого С. М. Широкогорова по проблемам этноса (Широкогоров, 1923), работы которого лишь недавно стали известными для широкой научной российской общественности.

Кардинальный переворот в советской науке о народах (этносах) произвел В. А. Тишков, в 1989 г. пришедший на смену Ю. В. Бромлею в качестве директора Института этнографии АН СССР. Мне уже доводилось писать об этом подробно (Попков, 2020, 2021). Здесь отмечу лишь основные значимые моменты.

Новый директор привнес в отечественное обществознание западные, можно сказать, либеральные, англо-саксонские традиции и постмодернистские методологические установки. Материалистической диалектике и так называемому «примордиализму» он противопоставил либерализм и социальный конструктивизм с опорой на методологический номинализм. Той или иной общности (народу, этносу) в рамках такой установки не остается места среди реально существующих феноменов, таковым признается отдельный индивид, универсальный человек с присущими ему свойствами, в рассматриваемом случае не совсем определенными.

В русле данной установки В. А. Тишков, по его собственному признанию, решал задачу похорон «советского этнопримордиализма» (Тишков, 2020: 121), а вместе с этим и самого этноса, в том числе, как некоторой теоретической конструкции, как системной категории, что отражено в одной из самых известных его монографий с красноречивое название «Реквием по этносу» (Тишков, 2003)¹.

Таким образом, стремление новой российской власти преодолеть «отсталость» позднего советского, а потом и российского общества путем интеграции его в западную «цивилизованную» модель развития на основе ее базовых принципов нашло адекватное этому отражение в трансформации представлений об этническом феномене и соответствующем тематическом исследовательском поле. Не случайно, как пишет А. В. Головнев, «в постсоветское время пристрастие отечественных этнографов к этносу, этногенезу, этноистории и этническим процессам представлялось следствием пресловутого отставания от западной антропологии» (Головнев, 2016: 62).

В соответствии с данной логикой и этнография, потерявшая объект своего исследования после «похорон этноса», должна была исчезнуть не только из названия основного российского академического института, занимающегося этнической проблематикой, но и из научного оборота вообще, а также из системы образования. Согласно заданным западным традициям, ее заменила этнология, а в последнее время — антропология, дискурс которой становится все более распространенным и расширяющимся на все большее исследовательское поле, можно, видимо, даже сказать, доминирующим, среди исследователей, особенно среди сотрудников Института этнологии и антропологии РАН. Яркое тому свидетельство — многочисленные публикации и научные форумы, непосредственно посвященные уже не этнологии, и даже не социокультурной антропологии, а просто антропологии самых разных явлений: пола, гендера, языка, идентичности, доверия, повседневности, медицины, искусства, медиа, эмпирического исследовательского поля и т. д. Правда, справедливости ради, надо сказать, что представителями данного института продолжают публиковаться книги также по этнографии. В то же время это никак не сказалось на принятом решении: в настоящее время этнография исключена из вузовского образовательного стандарта, там присутствует только антропология и этнология².

Но надо иметь в виду, что, как отмечено во введении, западная антропология и отечественная этнография (народоведение) — это все-таки разные дисциплины, с различающимися объектами исследования, а также методологическими ресурсами и инструментами.

Этничность как базовая тематика современных исследований и неоднозначность ее интерпретаций

Что же происходит с основной тематикой и основным объектом в исследовании этнического феномена? В результате произведенной ревизии базовые понятия советской этнографии «этнос», «этническая общность», «этногенез», «этнические процессы», «этническая культура» во многих случаях были заменены на «этничность». Тема этничности, как я уже отмечал, ссылаясь на А. В. Головнева, является в настоящее время доминирующей в рассматриваемой области (Головнев, 2016: 62). Мало того, создается впечатление, что этничность превратилась в своеобразного демиурга — всесильного, самостоятельного, неуправляемого субъекта, он как бы существует и живет сам по себе, но при этом обладает определенными, в том числе политическими функциями (см. например, красноречивое название одного из учебников — «Этнополитология: Политические функции этничности»³).

Как же трактуется введенное и ставшее основным понятие «этничность»? Надо сказать, что мышления по этому поводу — редкое явление. Обычно, его используют, не задумываясь о смыслах, интуитивно или, напротив, сознательно, чтобы скрыть свою реальную методологическую позицию. В. А. Тишков является здесь чуть ли не исключением. Он понимает под ним разновидность идентичности, которая рассматривается как субъективное по своей природе явление (см., на-

¹ Подробную квалифицированную и крайне негативную оценку данной книги дает, в частности, Ю. И. Семенов, обращая внимание на ее эклектичность, противоречивость, отсутствие какой-либо концептуальной строгости, а также волюнтаризм, реально скрывающийся за социальным конструктивизмом как якобы новым подходом в науке (Семенов, 2006).

² ФГОС 46.04.03 Антропология и этнология [Электронный ресурс] // ФГОС. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-46-04-03-antropologiya-i-etnologiya-1056/> (дата обращения: 10.01.2023).

³ Тишков В. А., Шабаев Ю. П. Этнополитология: Политические функции этничности : учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Московского университета, 2019. 416 с.

пример: Тишков, 2016: 5). При этом академик последовательно следует принятому для себя конструктивистскому подходу. Данную позицию фиксирует не только в научных работах. Она четко закреплена в Большой российской энциклопедии в специальной статье «Этничность», автором которой он является: «Современные научные подходы признают субъективную и процессуальную (социально конструируемую — см. Конструктивизм) природу этничности, как и любой другой формы групповой социальной идентичности»¹. Важно обратить внимание на то, что здесь подчеркивается обобщающая (то есть якобы отстаиваемая многими) характеристика данного феномена и что такое представление является продуктом реализации «современных научных подходов». Не менее существенным является и факт размещения данной статьи в энциклопедическом издании. В энциклопедиях, как известно, фиксируется квинтэссенция представлений по конкретным вопросам с опорой на последние научные достижения. Следовательно, приведенное определение, с учетом статуса издания, претендует на доминирующее не только в науке, но и в обществе в целом представление по поводу этничности.

В определенной степени в пользу такого вывода работает и то обстоятельство, что понятие этничности активно используется сегодня не только сторонниками современных «продвинутых» работ, но и представителями старой школы, приверженцами «примордиализма». Действительно, хотя в огромном потоке публикаций этничность в большинстве случаев ассоциируется с идентичностью, достаточно часто содержание соответствующего понятия выходит за рамки представленной выше трактовки. Под воздействием влиятельной и, я бы сказал, довольно агрессивной постмодернистской установки, «похоронившей» этнос и «сыгравшей» по нему реквием, многие исследователи поступили достаточно просто: стали использовать новое, пришедшее в Запада понятие этничности взамен этноса и других связанных с ним понятий. Чаще всего это происходит стихийно, без должной рефлексии. Иначе говоря, это есть ничто иное, как «предписанная этничность» — результат действия конструктивистской парадигмы.

В обобщенном виде, если взять весь комплекс смыслов при употреблении понятия этничности, в нее включается широкий круг явлений, причем, не только тех, которые приняты в западной традиции. Под ней имеются в виду самые разные по своей природе феномены, так или иначе касающиеся этнического аспекта существования человека и общества, то есть всестороннего проявления этнического феномена как такового. Таким образом, понятие этничности оказывается чрезмерно неопределенным, размытым. Эта размытость может в той или иной степени удовлетворять и конструктивистов, и «примордиалистов». Конструктивистов — уже по той причине, что из строгого категориального ряда отечественной науки практически исчезло понятие «этнос» (не зря старались его похоронить, не зря играли реквием). Одновременно «примордиалисты», оказавшись в ситуации, когда прежняя общепринятая теория с ее базовым понятием, точнее даже сказать, системной категорией, этноса отвергнута, а новая, столь же значимая, не создана, стали пользоваться навязанным из западного дискурса понятием этничности, но при этом часто интуитивно вкладывая в него свои смыслы, порой не напрягая себя в прояснении его содержания².

На мой взгляд, адекватным отражением довольно проблемной и противоречивой ситуации с этничностью в общем российском дискурсе является то определение, которое ей дается в Википедии, своего рода свободной народной энциклопедии: «Этничность — свойство этнической общности (эта часть определения заимствована у В. А. Тишкова, но надо иметь в виду, что он понимает этническую общность не в качестве реально существующей общности, этноса, как это было принято в советской этнографии, что будет подчеркнуто далее — Ю. В.), обозначающее её особенные отличия от других общностей, а также синоним более широко распространённого в отечественной науке понятия этнос. Термин употребляется в русле представления о полиэтничном характере большинства современных обществ»³.

Выскажу два замечания по поводу данного определения. Во-первых, этничность вполне справедливо интерпретируется как свойство. Это соответствует морфемному составу этого слова, где суф-

¹ Тишков В. А. Этничность [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/4916970> (дата обращения 03.01.2023).

² Часто не утруждают себя в подобной рефлексии и некоторые коллеги-этносоциологи, называющие себя сторонниками конструктивизма, по сути не понимая, в чем суть данной методологической установки.

³ Этничность [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Этничность> (дата обращения: 10.01.2023).

фикс -ость характеризует существительное со значением «абстрактного признака или состояния, отвлеченного от его носителя»¹. Во-вторых, это определение в целом считаю некорректным уже по той причине, что этничность не может рассматриваться как тождественная этносу, поскольку этнос — это общность людей (этническая общность), а этничность — всего лишь некоторое абстрактное свойство². Даже если, как пишет В. А. Тишков, это свойство касается этнической общности (а не отдельного человека как в случае с собственно идентичностью), сама общность и ее свойство — это, как говорится, большая разница. Возникает вопрос, может ли в этнологической науке понятие, характеризующее некоторое свойство (при очевидной неясности того, свойством чего оно является), «покрывать» все ее доминирующее исследовательское поле?

Еще одна проблема касается понимания этнической общности. Опять стоит обратиться к В. А. Тишкову как главному российскому авторитету. «Понятие этничности, — пишет он, — подчеркивает подвижный и сложный характер этнической общности в противоположность представлению о ней как о гомогенной и статичной группе»³. Очевидно, что он имеет в виду представление о ней в советской традиции. Но, насколько я знаю, так однозначно и так жестко про нее, как и про этнос, никто никогда не писал. Например, один из наиболее известных в рассматриваемой отечественной науке исследователей С. А. Арутюнов четко фиксирует: «этнотипы как формы культурной вариативности могут рассматриваться как адаптивные механизмы, изоморфные различным видам биологической вариативности» (Арутюнов, 1989: 57). Этническая общность и не однородна, и не статична (это касается, например, и языка — одного из главных этноопределяющих признаков). Столь искаженную позицию, которую транслирует В. А. Тишков, видимо, навязали сами конструктивисты сначала себе, а потом и всему научному сообществу (и многие в это поверили), чтобы уйти вообще от этноса и этнической общности как объективной реальности.

К слову сказать, в рамках конструктивистского подхода сама этническая общность, по сути, сводится опять же к проявлению идентичности отдельных людей. В последнем убеждает, например, то определение, которое дается этнической общности в действующей Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, подготовленной при активном и, скорее всего, определяющем идейном участии В. А. Тишкова, который, как известно, является заместителем председателя президиума Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, готовившим эту Стратегию (председателем Совета выступает Президент РФ). Впрочем, не только этническая общность, но и гражданская нация трактуется аналогичным образом, что соответствует развернутому ее определению, которое дал В. А. Тишков в процессе подготовки второй редакции Стратегии: нация — пишет он в статье с красноречивым названием, по сути, отождествляющим нацию с идентичностью, — это «прежде всего форма коллективного самосознания (идентичности) людей по поводу принадлежности к определенной общности, которую они и считают нацией. Она есть инструмент достижения коллективной мобилизации и солидарности гражданских или этнических сообществ для обретения ими суверенного статуса, обеспечения безопасности, организации власти и социального порядка, сохранения и развития культуры»⁴.

О либерально-конструктивистско-инструменталистской парадигме как идейно-методологической основе данной Стратегии я неоднократно писал ранее (см., например: Попков, 2020).

Получается, что этническая общность, с точки зрения конструктивистского подхода, — это просто совокупность людей со схожей этнической идентичностью. На принципиальный вопрос о том, свойством чего, какого феномена является этничность, кто является носителем данного свойства,

¹ Отвлеченные существительные с суффиксом -ость- [Электронный ресурс] // Русский язык. URL: [html https://russkiiyazyk.ru/sostav-slova/suffiks/primery-suffiksom-ost.html](https://russkiiyazyk.ru/sostav-slova/suffiks/primery-suffiksom-ost.html) (дата обращения: 10.01.2023).

² Понятно, что статьи в Википедии могут быть коллективным продуктом, компиляцией, сделанной сразу несколькими редакторами, поэтому концептуально не обоснованными, что отличает данную энциклопедию от авторских. Но именно такая ситуация (недостаточная концептуальная проработанность), на мой взгляд, существует и в собственно научной сфере по рассматриваемому вопросу.

³ Тишков В. А. Этничность [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/4916970> (дата обращения 03.01.2023).

⁴ Тишков В. Что есть нация. В поисках российской идентичности [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2017, 24 января. URL: http://ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9_6910_nacia.html (дата обращения: 10.01.2023).

можно дать ожидаемый для данного направления ответ: отдельно взятый человек, обладающий этнической идентичностью.

Такой вывод является достаточно логичным в контексте западных традиций в антропологии, но никак не соответствует отечественным представлениям в народоведении (или в этнологии, понимаемой в обозначенном ее широком смысле). Подробный анализ принципиальных различий по данному вопросу дан А. В. Головневым в ряде работ. Проследивая развитие двух этих направлений с момента их зарождения, он делает принципиально значимый вывод (о нем я уже говорил во введении) о различии их базового объекта исследований: народа (в народоведении) и универсального человека (в антропологии), подчеркивая при этом и различие по времени их рождения — соответственно XVIII и XIX вв. (Головнев, 2016: 6).

Важна и еще одна его оценка: «Народы предстают в российской этнографии живыми современниками, в универсальной антропологии — реликтами первобытности» (Головнев, 2018: 18). Добавлю, что изучение человека и изучение этнической общности (народа) не могут не быть тесно взаимосвязанными между собой, но все-таки существенная разница этих исследовательских акцентов является весьма значимой для науки.

Место «почвы» в этнической проблематике

До сих пор я говорил о фундаментальных методологических основаниях, на которых базируется исследование этничности и более широко — этнического феномена, как они представлены в зарубежной и отечественной научных традициях. То есть речь шла, как было заявлено в самом начале, о «методологической почве» данных исследований, иными словами, о гносеологии вопроса. Теперь в общих чертах рассмотрим заявленную проблему в онтологическом аспекте: попытаемся понять, какое место почва (понимаемая как некоторая основа) занимает в представлении о «бытии этничности» как определенной реальности, в том числе в процессе ее формирования. Иначе говоря, от «гносеологической почвы этничности» перейдем к ее «онтологической почве».

Опять обратимся к В. А. Тишкову. Кроме того, что было сказано о понимании данным автором этничности ранее, важным представляется следующее определение:

«ЭТНИЧНОСТЬ, свойство этнической общности (народа), заключающееся в культурно-языковых характеристиках и наличии у её членов этнической идентичности. Этничность отражается в одном или нескольких названиях народа (см. Этнонимика) и выражается в разделяемых членами общности представлениях об общем историческом происхождении, в т. ч. о связанной с ним территории и наличии в прошлом или настоящем общих политических институтов (напр., государственности, различных форм автономии), а также в стремлении создать эти институты... Этничность формируется и существует в контексте социального опыта, под влиянием которого этничность группы или индивида может меняться, а также иметь множественный характер (отражать принадлежность одновременно к нескольким общностям)»¹.

Что следует из этого определения? Во-первых, что этничность — это, как уже отмечалось, некоторое свойство, во-вторых, оно «заключается» в наличии идентичности, в-третьих, выражается в представлениях, в-четвертых, имеет контекстный характер.

Но здесь не обнаруживается указание на основания этничности. Она оказывается, можно сказать, беспочвенной. Хотя есть упоминание о наличии в представлениях этнофоров идей об общем историческом происхождении, территории, но ничего не сказано о том, как формируется этничность (кроме абстрактного указания на ее контекстность), какова ее реальная почва, какова онтология этничности. Видимо, такого вопроса не возникает, что может являться следствием той, либерально-конструктивистской, методологической парадигмы, в рамках которой обычно этничность и рассматривается, а также в силу объявленной природы этничности как субъективного явления². Что значит субъективного? Значит, независимого от объекта, от объективных условий, а зависящего лишь от субъекта, в качестве которого выступает отдельно взятый человек.

¹ Тишков В. А. Этничность [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/4916970> (дата обращения 03.01.2023).

² Там же.

Возможно здесь в каких-то отношениях я сгущаю краски, но, по большому счету, сделанные оценки являются, на мой взгляд, справедливыми по отношению к абсолютному большинству работ в рамках существующего дискурса этничности. В любом случае, видимо, «почва» в конструктивизме, если и может иметь какое-то место, то оно не будет сколь-нибудь значимым основанием, поскольку там, чаще всего, многое определяется, можно сказать, текущим контекстом.

Поэтому один из главных выводов по существу рассматриваемой темы должен состоять в том, что *в рамках интерпретации этничности в конструктивистском ключе, особенно при отождествлении ее с идентичностью, да еще понятой как субъективное явление, не улавливается огромный пласт реальности, выступающий в действительности фундаментом, на базе которого формируется и существует этнический феномен.*

Совсем иначе дело обстоит с проблемой «почвы» в традициях этнографии, отечественного народоведения. Предельно общим и одновременно исчерпывающе точным ответом на этот вопрос является оценка, данная А. В. Головневом: «В России наука о народах всегда была “почвенной” — выросшей из реальных обстоятельств и нужд» (Головнев, 2018: 6).

Что можно отнести к почвенности в данном случае? Прежде всего это земля, природно-географическая среда, месторазвитие, традиционное хозяйство, род, родина и т. п. Это как раз те составляющие «почвы», которые многими российскими исследователями рассматриваются в качестве базисных оснований формирования и развития этнической культуры, а также ее коллективных носителей — народов (этносов). Рассмотрение народов-этносов как реально существующих этнокультурных общностей означает признание их изначальной укорененности в ландшафте.

Думаю, нет необходимости называть здесь имена выдающихся российских и советских исследователей, которые работали в рамках данной парадигмы. Еще раз лишь сошлюсь на объемную статью А. В. Головнева, в которой он прослеживает сложный, полный взлетов и драматизма путь российской и советской этнографии (Головнев, 2018), отдельные эпизоды развития которой я бы назвал не просто «расцветом» этнографии, а этнографическим движением.

Отмечу далее несколько важных обобщающих моментов.

Во-первых, как показал проведенный анализ, проблема почвы находит полноценное отражение не в русле конструктивистской методологической установки, а в рамках отечественных традиций этнографии (народоведения). Но это означает, что адекватным проблемным полем для нее является не тема этничности в строгом смысле этого слова, а дискурс этноса, этнической культуры, народоведения.

Во-вторых, наглядным проявлением темы почвы в этнографической науке можно рассматривать тот факт, что одним из ее начал исходно была картография, позволяющая изображать разные народы в пространстве (Головнев, 2018: 11), то есть в привязке к конкретному месту их традиционного обитания, к природно-географической «почве». Эта традиция до сих пор сохранилась, в том числе и как свидетельство существования самих народов.

В-третьих, наиболее очевидным примером теснейшей связки «почва — народ» является традиционная культура коренных малочисленных народов Севера, существование которых и в настоящее время непосредственно зависит от состояния исконной среды обитания, а также от возможностей приоритетного землепользования и жизнеобеспечения на соответствующих территориях.

В-четвертых, широкая полиэтничность нашей страны создает определенные проблемы для государственного управления, но, выступая основой этнокультурного разнообразия, является важным условием ее цивилизационной устойчивости. «Россия первой исследовала собственную многонародность и заявила ее как, по существу, национальную идею» (Головнев, 2022: 6), как формулу самоопределения (Головнев, 2018: 9). Считаю, что это формула не потеряла своей актуальности и сегодня. Но для ее успешного осуществления на практике важна грамотная государственная политика, базирующаяся, в частности, на понимании этнокультурного разнообразия не только как продукта этнической самоидентификации, но и как разнообразия реальных этнических культур, носителями которых являются коллективные этномаркированные субъекты.

В-пятых, отстаивая в рамках рассматриваемой проблематики приоритет исследовательского фокуса на коллективных субъектах, я вовсе не умаляю значимости широкого комплекса изысканий на уровне отдельных индивидов, этнофоров, то есть антропологических исследований. Но при этом исхожу из сложной диалектики в системе отношения: человек — общество — природа. В этом смысле

считаю не утратившим свой эвристический потенциал следующее фундаментальное положение К. Маркса (привожу этот фрагмент полностью с учетом его концептуальной значимости):

«Таким образом, *общественный* характер присущ всему движению; как само общество производит человека как человека, так и он производит общество. Деятельность и пользование ее плодами, как по своему содержанию, так и по способу существования, носят *общественный* характер: *общественная* деятельность и *общественное* пользование. Человеческая сущность природы существует только для *общественного* человека; ибо только в обществе природа является для человека звеном, связывающим человека с человеком, бытием его для другого и бытием другого для него, жизненным элементом человеческой действительности; только в обществе природа выступает как *основа* его собственного *человеческого* бытия. Только в обществе его *природное* бытие является для него его *человеческим* бытием и природа становится для него человеком. Таким образом, *общество* есть законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы. *Общественная* деятельность и *общественное* пользование существуют отнюдь не *только* в форме *непосредственно* коллективной деятельности и *непосредственно* коллективного пользования... Мое *всеобщее* сознание есть лишь *теоретическая* форма того, *живой* формой чего является *реальная* коллективность, общественная сущность...» (Маркс, 1974: 118; курсив источника. — Ю. П.).

Считаю, что на основе фундаментальных принципов материалистической диалектики К. Маркс очень точно описал отношение, взаимодействие, диалектику, с одной стороны, человека и общества, с другой стороны, того и другого — с природой. Такое представление, на мой взгляд является онтологической основой адекватного понимания феномена этнической культуры, в том числе и места в ней «почвы».

«Почвенность» в современном тувиноведении

Связь человека с землей, почвой в настоящее время сохраняет свою фундаментальную значимость, хотя и в разной степени выраженности у разных этнических групп. На мой взгляд, такой вывод можно сделать применительно, во-первых, и к «этнически маркированным социальным образованиям» (в терминологии этноса, этнической общности, этнического сообщества, этнической группы, диаспоры), и к большинству отдельных этнофоров, во-вторых, и к условно «примордиалистскому» направлению исследований, и к тем исследованиям этничности, в рамках которых она понимается как идентичность, если, конечно, не брать крайний случай конструктивистской позиции, исходящей из признания в качестве существующей реальности исключительно отдельно взятого человека, сводящей идентичность к предельной изменчивости, исключительной контекстности и трактующей ее как субъективное явление.

Народ остается быть привязанным к земле, к своей родине. И даже для отдельного человека, живущего вне лона материнского этноса, эта связь часто остается важной, пусть и переходящей из непосредственного, живого взаимодействия с ней — к связи опосредованной, духовной, даже сакральной.

В этом контексте важное значение имеет представление о культуре как о сложном, «многослойном» феномене, постижение которого возможно лишь при мобилизации целого комплекса методологических ресурсов и методических средств. Это предполагает также использование внешнего и внутреннего взгляда на этническую культуру в качестве взаимодополнительных ракурсов исследования — *Inside-outside circle* — стратегии совместного «круга», совместного обсуждения ракурсов инсайдеров и аутсайдеров. Немаловажное значение имеет и понимание того, какое влияние оказывают на развитие современной этнической культуры не только механизмы ее самоорганизации, но и институциональные ресурсы разного рода (об институциональной интерпретации этнокультуры см.: Мадюкова, 2022).

В настоящее время, особенно под воздействием виртуализации глобального и локального пространства, цифровизации общественной и индивидуальной жизни, традиционная культура в значительной степени меняет не только свои визуальные образы, но и механизмы функционирования и развития. Поэтому актуальной является задача описания ее не только прошлого, но и современного состояния с использованием современных же теоретико-методологических ресурсов.

С учетом этого обстоятельства далее проведу анализ двух примеров-кейсов для иллюстрации правомерности некоторых высказанных ранее общих положений. В качестве эмпирического материала буду использовать результаты исследований тувинских коллег, выполненных под руководством

Ч. К. Ламажаа (Тувинцы. Родные ... , 2022; Дагылга: тувинские ... , 2021; и др.) с использованием тезаурусного и индигенного подходов (*Indigenous Methodology*) в современном тувиноведении (Ламажаа, 2012; Lamazhaa, 2018). Хотя тувинские авторы рассматривают отечественный тезаурусный подход как аналог зарубежного *Indigenous Methodology* (Тувинцы. Родные ... , 2022: 67), я считаю, что стоит их указать как различающиеся уже по той причине, что название второго из них, в отличие от первого, прямо указывает на специфическую (этнокультурную) сферу его применения.

Предваряя конкретный анализ, сделаю еще два замечания: 1) тувинская культура, как и любая другая этническая культура, представляется авторами как сложноорганизованное и сложносоставное явление; 2) все участники руководимого Ч. К. Ламажаа исследовательского проекта являются тувинцами и опираются на разработанный Вал. А. Луковым и Вл. А. Луковым тезаурусный подход. Тезаурус эти авторы определяют «как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх того также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира» (Луков В., Луков Вл., 2008: 67).

Принципиально важно, на мой взгляд, что тезаурус в соответствующей концепции определяется как имеющий субъектный статус. Обращаю внимание: не субъективный, а субъектный, то есть тезаурус здесь интерпретируется не как зависящий лишь от субъекта, а как свойственный ему, причем, не внешнему по отношению к культуре субъекту ее познания, а самому субъекту этнической культуры (в ситуации индигенных исследований, как в нашем случае, субъект познания и субъект культуры совпадают). Применение данной концепции дает представление о том, как культура, в данном случае — этнокультура, понимается самими ее носителями и как она выражена в терминах, языке этой культуры. Это позволяет постигать внутреннюю природу конкретной этнической культуры, механизмы ее функционирования, а также особенности восприятия и оценки разных ее проявлений со стороны самих носителей, инсайдеров этой культуры, а не только внешних наблюдателей, пусть даже и научных.

В целом реализация тезаурусного подхода, на мой взгляд, дает возможность получить новое знание о современной этнической культуре в дополнение к тому, что дает традиционная этнография.

Теперь о конкретных примерах.

Кейс дагылга. Традиционный тувинский обряд *дагылга* представляет собой освящение группами родственников родовых мест, значимых природных объектов. Его современный вариант подробно описан в специальной монографии (Дагылга: тувинские ... , 2021). Мне довелось написать рецензию на эту книгу с акцентом на особенностях и новизне проведенного исследования (Попков, 2022). Здесь обращаю внимание на моменты, значимые для пояснения рассматриваемой темы.

Дагылга, являясь обрядом, выполняет важную этнокультурную функцию, которую я бы определил как «привязка» родственников к своей исторической родине. Устойчивая память о ней, а также основанная на ней устойчивая идентичность — это, по сути, память о той «почве», той «земле», на которой «произрастали» отдельные группы (коллектив, сообщество) людей, сформировавшиеся впоследствии в качестве общности, до сих пор называемой в научных кругах этносом, несмотря на «сыгранный реквием по этносу» как таковому. Эта память, пусть даже в виде определенным образом трансформированной по сравнению с ее аутентичным бытованием, пусть даже в мифах, отличается высокой степенью устойчивости. С одной стороны, это, вроде, очевидный социальный конструкт, с другой — проявление явной, я бы здесь сказал, примордиальности, если ее трактовать как изначальность, что продолжает оставаться для людей важной ценностью. Таким образом, примордиальность в данном случае вполне применима для характеристики системной консолидации многих элементов этнической культуры (идей, образов, конкретных действий, материальных предметов) как отражения и укрепления связи, во-первых, групп родственников между собой, во-вторых, их связи с родной землей.

Остается добавить, что сам обряд дагылга можно рассматривать как проявление этнокультурного неотрадиционализма (о рефлексивной концепции этнокультурного неотрадиционализма см.: Попков, Тюгашев, 2020). Характер и связь всех отмеченных элементов культуры, задействованных в обряде в процессе его совершения, определенным образом трансформированы по сравнению с аутентичной традиционной практикой. Наиболее сильно это касается вещного мира, большинство элементов которого произведены вне рамок тувинской культуры. В то же время этот обряд сохранил свои исходные суть, смысл и назначение.

И еще одно. Успешное описание обряда дагылга с получением интересных результатов лежит в русле основного тренда этнологических исследований — критериев так называемой «новой этнографии», активно разрабатываемой в настоящее время группой ученых под руководством А. В. Головнева (Головнев, Белоруссова, Киссер, 2018, 2021; Головнев, 2021): ориентации на современность, интеграции фундаментальных и прикладных разработок, использование методов киберэтнографии с учетом цифровизации общественной и индивидуальной жизни, а также включенного наблюдения с применением ресурсов индигенных исследований. Ч. К. Ламажаа подчеркивает, что использование тувинцами социальных сетей и мессенджеров позволяет им координировать действия, организовываться для различных семейных, родственных сборов (Ламажаа, 2021).

Кейс хой эди 'баранина'. Я сознательно выбрал этот пример, который, на первый взгляд, не имеет непосредственного отношения к анализируемой проблеме почвы (где мясо, а где почва!). Но в рамках реализуемого тезаурусного подхода понимание этнической культуры строится на признании системной увязки всех ее компонентов. Такую взаимосвязь Ч. К. Ламажаа, Ш. Ю. Кужугет и А. В. Монгуш описали с учетом важной роли баранины в культуре тувинцев в статье, специально посвященной этой теме (Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2022).

Далее подчеркну главное, что имеет отношение к рассматриваемой проблеме.

Мясная продукция, отмечают они, является, как и для других кочевников, «сердцем» тувинской кухни (там же: 154). Но ее роль, прежде всего в виде баранины, этим не ограничивается. Факт, можно сказать, многофункциональности является характеристикой не только культуры в целом, но и ее отдельных элементов. Баранина — это и повседневная пища, и праздничное угощение, и предмет ритуала. Но, пожалуй, самое важное состоит в констатации: «Потребление баранины является для тувинцев одним из маркеров этнической идентичности» (там же: 151). Самими тувинцами это потребление рассматривается в качестве составляющей тувинской культуры в целом и связывается с особым отношением к скоту.

Переезд тувинцев из небольших сельских поселений, специализирующихся на животноводстве, на разведении и содержании скота, в крупные поселения оборачивается потерей системных связей в культуре. Когда это дополняется заимствованием извне представлений и моделей поведения, не согласующихся с логикой этой культуры, возникает противоречие между новыми практиками отношения к мясу и традиционным (рациональным, бережным) отношением к скоту. Авторы в этой связи констатируют:

«Мы постарались показать, что в корне такого противоречия оказался не только разрыв тувинцев с традиционным хозяйствованием, самостоятельным разведением скота, с ритуалами его забоя, но и распространившаяся практика нерационального потребительства, в которой мясо стало пониматься только как любимая еда, которую можно получить довольно просто, легко, удобно и быстро. Учитывая то, что даже для разделки барана можно не прилагать усилий, а достаточно заплатить деньги, единственным ограничителем в потреблении остался лишь денежный вопрос. Впрочем, когда возникает необходимость презентовать себя другим тувинцам, показать свой достаток другим — тогда и вопрос финансов становится менее важным, чем желание произвести впечатление» (там же: С. 171).

Следовательно, можно сделать вывод, что издержки в системных связях внутри тувинской культуры, возникающие в ситуации «рассеивания» этноса и приводящие к отчуждению этнофоров от традиционной системы жизнедеятельности и жизнеобеспечения, от своей традиционной укорененности, приводят к разрыву и обеднению функций культуры и отдельных ее элементов. В данном случае мы имеем ситуацию, когда баранина, «вырванная» из традиционной системы пропитания, учитывавшей экологичность и традиции бережного отношения к природе, становится для человека только пищей и перестает быть вписанной в целостный формат традиционной культуры.

Таким образом, описанные выше проблемы в отношении баранины, которые характеризуют выхолащивание традиционного отношения к ней, фундаментально связаны с потерей связи с традиционным хозяйствованием, следовательно, и с той почвой, той землей, теми родовыми местами, на которых изначально базируется это хозяйство, а значит и сама этническая тувинская культура, делающая тувинцев отдельным народом, делающая тувинцев тувинцами. Преодоление возникающих проблем и угроз лежит в данном случае на пути формирования новых (или обновленных) форм и практик поддержания этнической культуры. Мне кажется, что описанный выше обряд *дагылга* может рассматриваться в качестве одной из таких эффективных практик.

Аналогичное отношение к природе, к родной земле существует, конечно, не только у тувинцев, но и других — тюркских, славянских — народов Сибири и всего евразийского геокультурного и социокультурного ландшафтов. Их своеобразие определяет формирование интеграционного этнокультурного потенциала, который может выступать основой становления духовно-экологической стратегии развития как перспективной модели цивилизационного будущего (о перспективе и возможностях такого развития см.: Цивилизационная миссия Сибири ... , 2022).

Реквием по этносу и этнографии не состоялся: что дальше? (вместо заключения)

С учетом проведенного анализа и акцентированных в тексте выводов, можно сделать следующее заключение, касающееся обобщенных результатов исследования и возможных перспектив обсуждения заявленной темы.

Тема «почвы» наиболее полно представлена в отечественной традиции, но не в терминологии этничности, а в проблематике этнической культуры и ее носителей — народов-этносов. Точнее даже, собственно, о почве можно говорить, если признавать народ как некоторую общность, как объективно существующую реальность, исторически формирующуюся в качестве таковой в результате укорененности в ландшафте. Продуктом этого процесса и является «рождение» народа как носителя специфической этнической культуры, предельно адаптированной к конкретной природной среде. Отдельный индивид становится этнофором только как член данной общности.

В раках традиционной этнической культуры связка «человек — народ-этнос — природа» является системным образованием, где все элементы взаимозависимы, и где базовым основанием выступает «очеловеченная» природная среда, «почва». Системность отражается в мировоззрении и находит проявление в концептах, тезаурусе этнокультуры, рассматриваемом как свод зафиксированных в лингвистической форме представлений носителей самой этой культуры о мире (где природный и социальный мир един), о себе и своем месте в нем. В ситуации отрыва этнофора от материнского этноса непосредственная связь с этнической общностью и «родной» природной средой заменяется опосредованной, но продолжает сохранять высокую степень устойчивости. Угрозы этнической культуре возникают тогда, когда нарушается системная целостность обозначенных представлений.

Несмотря на достаточно жесткое давление доминирующей в официальном мейнстриме социально-конструктивистской методологической позиции, ни этнография, ни этнос не исчезли окончательно из российского (и даже из зарубежного) научного дискурса. Свидетельство тому — книги, учебники и академические институты, в названии которых фигурирует этнография, а также использование понятия «этнос» во многих публикациях и в учебной литературе при определении объекта этнографии/этнологии (хотя в результате указанного давления этнография, как отмечалось, исчезла из образовательного стандарта). Таким образом, реквием пытались сыграть по неумершему, по выжившему. Слом метанарративов в отечественной науке об этническом феномене, к числу которых принадлежит системная категория «этнос», «произошел не полностью, не для всех и, наверное, ненадолго. Этнологический парадокс постмодерна состоит в том, что при кризисе конструкта “этнос” случился бум этничности» (Головнев, 2012: 6).

Еще раньше примерно об этом же писал Ю. И. Семенов в отмеченной статье (отклике на книгу В. А. Тишкова «Реквием по этносу») с очень выразительным названием «Торопиться с заупокойной молитвой по этносу вряд ли стоит». Мало того, он делает абсолютно верное заключение, соответствующее изложенной выше моей позиции: «Этничность есть не что иное, как принадлежность к этносу. Если нет этносов, то нет и не может быть никакой этничности» (Семенов, 2006: 100).

Принципиально важным считаю и следующий вывод А. В. Головнева: «Несмотря на повальное увлечение европейской антропологией, Россия упорно хранила (и продолжает хранить) название “этнография” и ее предпочтения. В этом видится почвенность народоведения, воспроизводящегося в России на собственных основаниях с переменной интенсивностью» (Головнев, 2018: 19).

Согласен также с ним и в том, что «искания и достижения российской этнографии... следует считать не “тупиковой ветвью”, а конкурентным преимуществом отечественной науки. Народоведение — национальное достояние России. Возможно, этнография — самая российская из наук (по рождению и устойчивой мотивации), и драматургия ее истории адекватна “национальному характеру”» (Головнев, 2018: 33).

Я бы только добавил к этнографии также рожденную в Советском Союзе этносоциологию — самостоятельное научное направление в исследовании этнического феномена.

Как же быть с этносом в существующей непростой ситуации? Считаю, что важно признавать этнос как реально существующий феномен общественного развития и одновременно разрабатывать соответствующее понятие в качестве системной категории этнологии, понимаемой как комплексная научная дисциплина об этническом феномене. Можно также использовать «этнос» в виде некоторого идеального типа (по М. Веберу). Значимость таких типов давно доказана в разных отраслях научного знания. Но означает ли это, что следует оставить и те представления о действительности, которые в свое время подразумевались под данным понятием? Смысл основных претензий к «этносу» и теории этноса состоял в представлении о чрезмерной статичности тех явлений, которые под ними мыслились. Реальная ситуация в жизни во многом не соответствовала теоретической схеме. Но даже если это так, то, на мой взгляд, надо было не выбрасывать из «воды—этнографии/этнологии» «ребенка—этнос», а его растить, социализировать, делать взрослым, адаптированным к изменяющейся действительности. К сожалению, в определенных случаях теория, особенно навязанная по идеологическим соображениям, является сильнее практики. Но, к счастью, в итоге практика побеждает такую теорию. И это касается как ситуации научного бытования «этноса» в советское время, так и попыток его «похоронить» в постсоветский период.

Теперь что касается «примордиализма» и конструктивизма как некоторых исследовательских ориентиров, тесно связанных с проблемой этноса. Считаю, что их нельзя ни абсолютизировать, ни противопоставлять. Они имеют место не только в исследовании разных проблем, но и присутствуют в разные исторические времена. Неправильно думать, например, что конструктивизм пришел к нам лишь после крушения СССР, он существовал в науке и политике также в советский период¹. Два этих направления представляют собой методологические средства, каждый из которых вполне уместен среди научных инструментов. Но это возможно, если у исследователя есть четкое понимание, для решения каких именно проблем он оказывается наиболее пригодным, и если сам исследователь, особенно облаченный научной и/или политической властью, не решает определенную идеологическую и/или политическую задачу. Впрочем, и в политике они являются важными инструментами.

Отстаивая позицию о важности и необходимости сохранения отечественных традиций в исследовании этнического феномена, я далек от мысли, во-первых, ограничиваться лишь ресурсами «старой этнографии» без мобилизации возможностей «новой этнографии», во-вторых, отрицать значимость зарубежного опыта в этой сфере. Западная наука обладает огромным массивом интересного и полезного теоретико-методологического и эмпирического материала. Одна его часть уже успешно освоена российскими исследователями, другая — ждет своего часа. Взаимообогащение старых и новых, отечественных и зарубежных методологических ресурсов является чрезвычайно важной задачей, поскольку только объединенными усилиями можно справиться с адекватным научным постижением той сложной, порой непредсказуемой реальности, которая захлестнула мир в нашу кризисную цифровую эпоху. В то же время надо иметь в виду, что в западной науке, как и в отечественной, далеко не всегда имеют место достаточные обоснования и строгость в выдвижении и использовании тех или иных положений. Поэтому для любого исследователя является важной задачей оставаться в пространстве истинного научного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнов, С. А. (1989) Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М. : Наука. 247 с.
- Бромлей, Ю. В. (2009) Очерки теории этноса. 3-е изд., испр. М. : Либроком. 440 с.
- Головнев, А. В. (2012) Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт севера) // Этнографическое обозрение. № 2. С. 3–12.
- Головнев, А. В. (2016) Этнокультурный потенциал и полиэтничность (российский ракурс) // Вестник Томского государственного университета. История. № 4 (42). С. 61–67. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/42/11>

¹ Это хорошо показал А. В. Головнев на примере анализа создания и трансформации номенклатуры коренных малочисленных народов Севера в советский и постсоветский период (см.: Головнев, 2012).

Головнев, А. В. (2018) Этнография в российской академической традиции // Этнография. № 1 (1). С. 6–39. DOI: <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-1-6-39>

Головнев, А. В. (2021) Новая этнография Севера // Этнография. № 1 (11). С. 6–24. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1\(11\)-6-24](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1(11)-6-24)

Головнев, А. В. (2022) Многонародность России: взгляд с Севера // Этнография. № 4 (18). С. 6–32. DOI: [https://www.doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-6-32](https://www.doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-6-32).

Головнев, А. В., Белоруссова, С. Ю., Киссер, Т. С. (2018) Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. № 1 (58). С. 100–108. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1\(58\)-100-108](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108)

Головнев, А. В., Белоруссова, С. Ю., Киссер, Т. С. (2021) Киберэтнография и виртуальная этничность. СПб.: МАЭ РАН. 280 с.

Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.

Ильин, И. П. (1996) Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада. 256 с.

Ламажаа, Ч. К. (2012) Тезаурусный подход в тувиноведении // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 38–45.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Ламажаа, Ч. К., Кужугет, Ш. Ю., Монгуш, А. В. (2022) Хой эьди для тувинцев. Идентичность, удобство, ответственность // Этнография. № 4 (18). С. 151–174. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса. 784 с.

Мадюкова, С. А. (2022) Является ли этническая культура социальным институтом? // Respublica Literaria. Т. 3. № 2. С. 80–92. DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2022.3.2.80-92>

Маркс, К. (1974) Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политическая литература. Т. 42. 536 с. С. 41–174.

Паин, Э. А. (2022) О преодолении некоторых стереотипов в российской этносоциологической теории // Этносоциология: поиски и свершения / отв. ред., сост. Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М. : ИЭА РАН. 482 с. С. 34–39.

Попков, Ю. В. (2020) Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 253–268. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.18>

Попков, Ю. В. (2021) «Этнологическая модернизация» в России и ее проявления в стратегических ориентирах государственной национальной политики: парадигмальные основания и последствия // Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегодник : материалы XX Национальной научной конференции с международным участием / отв. ред. В. И. Герасимов. М. : ИНИОН РАН. Вып. 16, ч. 1. 1146 с. С. 226–228.

Попков, Ю. В. (2022) Рецензия на книгу: Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл, 2021. 188 с. // Вестник российского университета дружбы народов. серия: история России. Т. 21. № 2. С. 300–304. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-300-304>

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2020) Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск : Изд-во НГТУ. 256 с.

Семенов, Ю. И. (2006) Торопиться с заупокойной молитвой по этносу вряд ли стоит (Об основных идеях книги В. А. Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии». М., 2004) // Философия и общество. Вып. 2 (43). С. 94–106.

Тишков, В. А. (2003) Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука. 544 с.

Тишков, В. А. (2016) От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. № 5. С. 5–22.

Тишков, В. А. (2020) Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. № 2. С. 72–137. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; отв. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития (2022) / А. В. Иванов, Ю. В. Попков, И. В. Фотиева и др.; под ред. А. В. Иванова. Барнаул : Новый формат. 362 с.

Широкогоров, С. М. (1923) Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай : Отдельный оттиск из LXVII Известий Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета. 134 с.

Этнология (этнография) (2022) : учебник для вузов / под ред. Козьмина В. А., Бузина В. С. М. : Юрайт. 438 с.

Lamazhaa, Ch. K. (2018) Indigenous methodology and research of Tuvan culture // *Sibirica*. Vol. 17. № 3. Pp. 68–82. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2018.170307>

Дата поступления: 15.01.2023 г.

Дата принятия: 01.02.2023 г.

REFERENCES

Arutiunov, S. A. (1989) *Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodeistvie [Peoples and cultures: Development and interaction]*. Moscow, Nauka. 247 p. (In Russ.).

Bromlei, Yu. V. (2009) *Ocherki teorii etnosa [Essays on the theory of ethnos]*. 3rd ed., revised. Moscow, Librokom. 440 p. (In Russ.).

Golovnev, A. V. (2012) Etnichnost': ustoychivost' i izmenchivost' (opyt severa) [Ethnicity: Sustainability and changeability (the case of the North)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 3–12. (In Russ.).

Golovnev, A. V. (2016) Etnokul'turnyi potentsial i polietnichnost' (rossiiskii rakurs) [Ethno-cultural potential and multi-ethnicity (Russian dimension)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, no. 4 (42), pp. 61–67. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/42/11>

Golovnev, A. V. (2018) Etnografiya v rossiiskoi akademicheskoi traditsii [Ethnography in the Russian academic tradition]. *Etnografiya*, no. 1 (1), pp. 6–39. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-1-6-39>

Golovnev, A. V. (2021) Novaia etnografiya Severa [New ethnography of the North]. *Etnografiya*, no. 1 (11), pp. 6–24. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1\(11\)-6-24](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-1(11)-6-24)

Golovnev, A. V. (2022) Mnogonarodnost' Rossii: vzglad s Severa [Multinationality of Russia: A view from the North]. *Etnografiya*, no. 4 (18), pp. 6–32. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-6-32](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-6-32)

Golovnev, A. V., Belorussova, S. Yu. and Kisser, T. S. (2018) Veb-etnografiya i kiberetnichnost' [Web-ethnography and cyber-ethnicity]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 1 (58), pp. 100–108. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1\(58\)-100-108](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108)

Golovnev, A. V., Belorussova, S. Yu. and Kisser, T. S. (2021) *Kiberetnografiya i virtual'naiya etnichnost' [Cyberethnography and virtual ethnicity]*. St. Petersburg, MAE RAN. 280 p. (In Russ.).

Dagylga: tuvinskie obriady osviascheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century] (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).

Ilyin, I. P. (1996) *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]*. Moscow, Intrada. 256 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2012) Tezaurusnyi podkhod v tuvinovedenii [The thesaurus approach for Tuvan studies]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 38–45. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lamazhaa, Ch. K., Kuzhuget, Sh. Yu. and Mongush, A. V. (2022) Khoi e"di dlia tuvintsev. Identichnost', udobstvo, otvetstvennost' [Khoi edi for Tuvans. Identity, convenience, responsibility]. *Etnografiya*, no. 4 (18), pp. 151–174. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Lukov, V. A. and Lukov, Vl. A. (2008) *Tezaurusy: sub"ektnaiya organizatsiia gumanitarnogo znaniia [Thesauri: The subjective organization of humanities knowledge]*. Moscow, The National Institute of Business Publ. 784 p. (In Russ.).

Madyukova, S. A. (2022) Iavliaetsia li etnicheskaia kul'tura sotsial'nym institutom? [Is ethnic culture a social institution?]. *Respublica Literaria*, vol. 3, no. 2, pp. 80–92. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2022.3.2.80-92>

Marx, K. (1974) Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. In: Marx, K. and Engels, F. *Sochineniia [Works]*. 2nd ed. Moscow, Politicheskaiya literatura. Vol. 42. 536 p. Pp. 41–174. (In Russ.).

Pain, E. A. (2022) O preodolenii nekotorykh stereotipov v rossiiskoi etnosotsiologicheskoi teorii [Overcoming some stereotypes in the Russian ethnosociological theory]. In: *Etnosotsiologiya: poiski i sversheniia [Ethnosociology: Searches and*

achievements] / ed., comp. L. V. Ostapenko and I. A. Subbotina. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 482 p. Pp. 34–39. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2020) *Sovremennaiia rossiiskaia natsional'naia politika: kontseptual'no-tselevye osnovy i opyt realizatsii* (na primere Tuvy) [Contemporary Russian national policy: Conceptual and target bases and implementation experience (the case of Tuva)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 253–268. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.18>

Popkov, Yu. V. (2021) «Etnologicheskaia modernizatsiia» v Rossii i ee proiavleniia v strategicheskikh orientirakh gosudarstvennoi natsional'noi politiki: paradigmalye osnovaniia i posledstviia ["Ethnological modernization" in Russia and its manifestations in the strategic guidelines of the state national policy: paradigmatic foundations and consequences]. In: *Rossii: tendentsii i perspektivy razvitiia* [Russia: Trends and prospects of development] : Yearbook : Proceedings of the 20th National conference with international participation / ed. V. I. Gerasimov. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS. Issue 16, part 1. 1146 p. Pp. 226–228. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2022) *Retsenziia na knigu: Dagalga: tuvinskie obriady osviiashcheniia v XXI veke / pod red. Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii*. Kyzyl, 2021. 188 s. [Review of Lamazhaa, Ch. K., and Suvandii, N. D., eds. *Dagalga: tuvinskie obriady osviiashcheniia v XXI veke* [Dagalga: Tuvan rites of consecration in the 21st century]. Kyzyl, 2021. 188 p.]. *RUDN Journal of Russian History*, vol. 21, no. 2, pp. 300–304. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-300-304>

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2020) *Etnokul'turnyi neotraditsionalizm i identichnost' v sovremennykh sotsiokul'turnykh transformatsiakh* [Ethno-cultural neotraditionalism and identity in modern socio-cultural transformations]. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University Publ. 256 p.

Semenov, Yu. I. (2006) *Toropit'sia s zaupokoinoi molitvoi po etnosu vriad li stoit* (Ob osnovnykh ideiakh knigi V. A. Tishkova «Rekvium po etnosu. Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii». M., 2004) [It's hardly worth being in haste with a requiem for ethnos (On the basic ideas of V. A. Tishkov's book "The Requiem for Ethnos. Researches on Social and Cultural Anthropology". M., 2004)]. *Filosofia i obshchestvo*, issue 2 (43), pp. 94–106. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2003) *Rekvium po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnicity: Studies in social and cultural anthropology]. Moscow, Nauka. 544 p. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2016) *Ot etnosa k etnichnosti i posle* [From ethnos to ethnicity and after]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 5–22. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2020) *Otkuda i kuda prishla rossiiskaia etnologiiia: personal'nyi vzgliad v global'noi perspektive* [From where is Russian ethnology and where is it going? A personal view in global perspective]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 72–137. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>

Tuvintsy. Rodnye liudi [Tuvans. Native people] (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy ; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).

Tsivilizatsionnaia missiia Sibiri: ot tekhnogenno-potrebitel'skoi k dukhovno-ekologicheskoi strategii global'nogo i regional'nogo razvitiia [Civilizational mission of Siberia: From technogenic-consumer to spiritual-ecological strategy of global and regional development] (2022) / A. V. Ivanov, Yu. V. Popkov, I. V. Fotieva et al. ; ed. by A. V. Ivanov. Barnaul, Novyi format. 362 p. (In Russ.).

Shirokogorov, S. M. (1923) *Etnos: Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniia etnicheskikh i etnograficheskikh iavlenii* [Ethnos: A study of the basic principles of changing ethnic and ethnographic phenomena]. Shanghai, A separate impression from the LXVII Proceedings of the Oriental Faculty of the State Far Eastern University. 134 p. (In Russ.).

Etnologiiia (etnografiia) [Ethnology (ethnography)] (2022) : A textbook / ed. by V. A. Kozmin and V. S. Buzin. Moscow, Urait. 438 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Indigenous methodology and research of Tuvan culture*. *Sibirica*, vol. 17, no. 3, pp. 68–82. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2018.170307>

Submission date: 15.01.2023.

Acceptance date: 01.02.2023.